

ЛИТВА.

Въ зноѣ шелъ слѣпецъ Литвою —
Пламя пѣсенъ на челѣ,
Посохъ, мальчикъ подъ рукою,
Да гармонія въ чехлѣ.

Подъ колосьями томилась
Супесчаная земля,
Изъ послѣднихъ силъ дѣлилась,
О покоѣ не моля.

Звонко Вилія вскипала
На упорныхъ валунахъ,
Будто воля не пропала
На вилейскихъ берегахъ.

Избы мшистыя чернѣли
То подъ небомъ, то у водъ.
Сосны ржавыя да ели
Въ рѣдкій жались хороводъ.

Вѣтеръ бѣгаль, злой и жадный,
Въ желтомъ облакѣ песка.
Зорко ястребъ беспощадный
Мѣтилъ жертву свысока.

Спотыкался по дорогѣ
Пьяный, пьяное твердя.
Цвѣтикъ желтенькій, убогій,
Въ пыльномъ полѣ ждалъ дождя.

Долго шель слѣпецъ Литвою,
 Да не вѣдалъ, не видалъ,
 Что пустыней, чуть живою,
 Темный путь его лежалъ.

Съ дѣтскихъ дней въ глуби темницы
 Сохранялъ померкшій взглядъ
 Море ярое пшеницы,
 Рѣку, пасѣку и садъ,

Бѣлыхъ аистовъ на крышѣ,
 Стадо сытое и мать,
 Припадающую къ нишѣ
 Плащъ Маріи лобызать.

— Не видать ли гдѣ деревни? —
 Онъ спросилъ поводыря.
 Подымалась силой древней
 Въ немъ пѣвучая заря.

И, махнувъ рукою строго,
 Чтобъ къ обочинѣ подвелъ,
 Сѣлъ онъ тутъ же, надъ дорогой,
 Снялъ съ гармоніи чехоль,

Наложилъ персты, какъ надо,
 Растянулъ, взыгравъ, мѣхи,
 И запѣлъ съ тоской-услადой
 Лучезарные стихи.

Подъ созвучія густыя
 Голосъ ладно пѣсню велъ
 Про години золотыя,
 Про народъ, народовъ стволъ;

Про Перуна володыку,
 Про Адамовъ тѣсный рай,
 Про князей Литвы великой,
 Про походы въ лютый край;

Про гремящихъ за Холмами
 Златокосыхъ поляницъ

И про рыцарей съ конями
Быстролетнѣй дикихъ птицъ.

И звучало жутко въ полѣ,
Будто сквозь кадильный дымъ
Дряхлый ангелъ пѣлъ въ костелѣ
За органомъ вѣковымъ.

А въ сухой травѣ мальченка,
Озираючись вокругъ,
То смѣялся звонко, звонко,
То заслушивался вдругъ.

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ.
